

The book cover features a central illustration of a woman with voluminous, wavy, reddish-brown hair. She is shown from the chest up, looking slightly to her left with a contemplative expression. She wears a vibrant, patterned dress with swirling motifs in shades of purple, blue, and gold. Her right hand is resting on a thick, textured pillar that has a repeating geometric pattern of small triangles. The background is a rich, dark purple and blue, depicting a city skyline with various domes and spires. A crescent moon is visible in the upper left, and two birds are flying in the sky. The overall style is painterly and atmospheric.

18+

ЕСЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ,
ЧТО НАДО ЧТО-ТО МЕНЯТЬ
В ЭТОЙ ЖИЗНИ,
ТО ВАМ НЕ КАЖЕТСЯ.

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

СОСТОЯНИЕ ШИТЕР

Антология любви

Ринат Валиуллин
Состояние – Питер

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Валиуллин Р. Р.

Состояние – Питер / Р. Р. Валиуллин — «АСТ»,
2018 — (Антология любви)

ISBN 978-5-17-100043-1

В Питер стекались те, у кого с удачей была напряженка. Им казалось, что приехать сюда стоило только ради того, чтобы тебе фартило всю оставшуюся жизнь. Они еще не знали, что совсем скоро Питер проникнет в их дом, в их постель, он будет все время рядом; куда бы они ни уезжали от этого города, он будет сидеть у них под кожей, как у героев этой истории, где отношения на завтрак, обед и ужин не только со вкусом белых ночей, но и с привкусом серых будней.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100043-1

© Валиуллин Р. Р., 2018
© АСТ, 2018

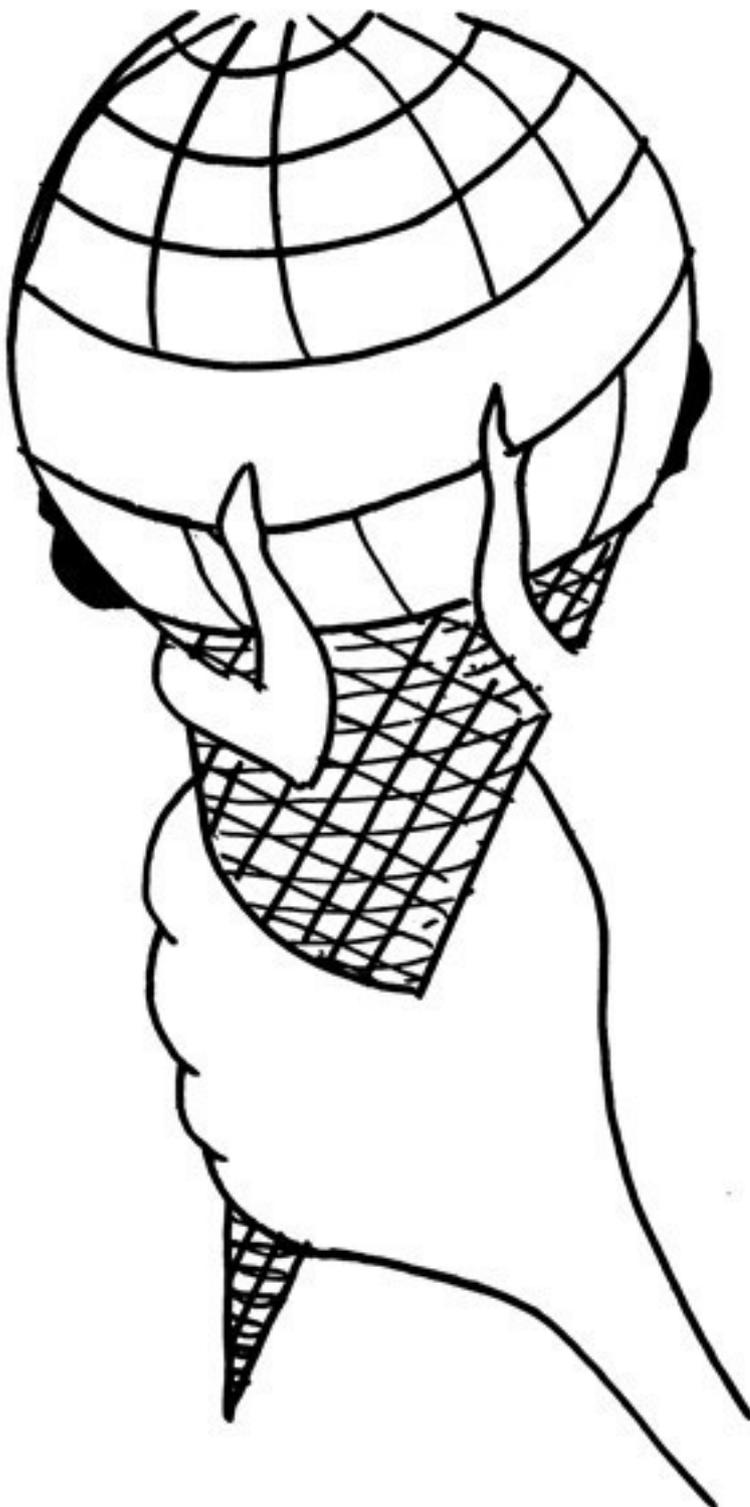
Содержание

Часть I	8
Холодные закуски	9
Чебуреки	12
Голубцы	15
Корюшка жареная	18
Невское пирожное	26
Персиковый джем	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ринат Валиуллин

Состояние – Питер

В Питер стекались те, у кого с удачей была напряженка. Им казалось, что приехать сюда стоило только ради того, чтобы тебе фартило всю оставшуюся жизнь. Они еще не знали, что совсем скоро Питер проникнет в их дом, в их постель, он будет все время рядом; куда бы они ни уезжали от этого города, он будет сидеть у них под кожей, как у героев этой истории, где отношения на завтрак, обед и ужин не только со вкусом белых ночей, но и с привкусом серых будней.

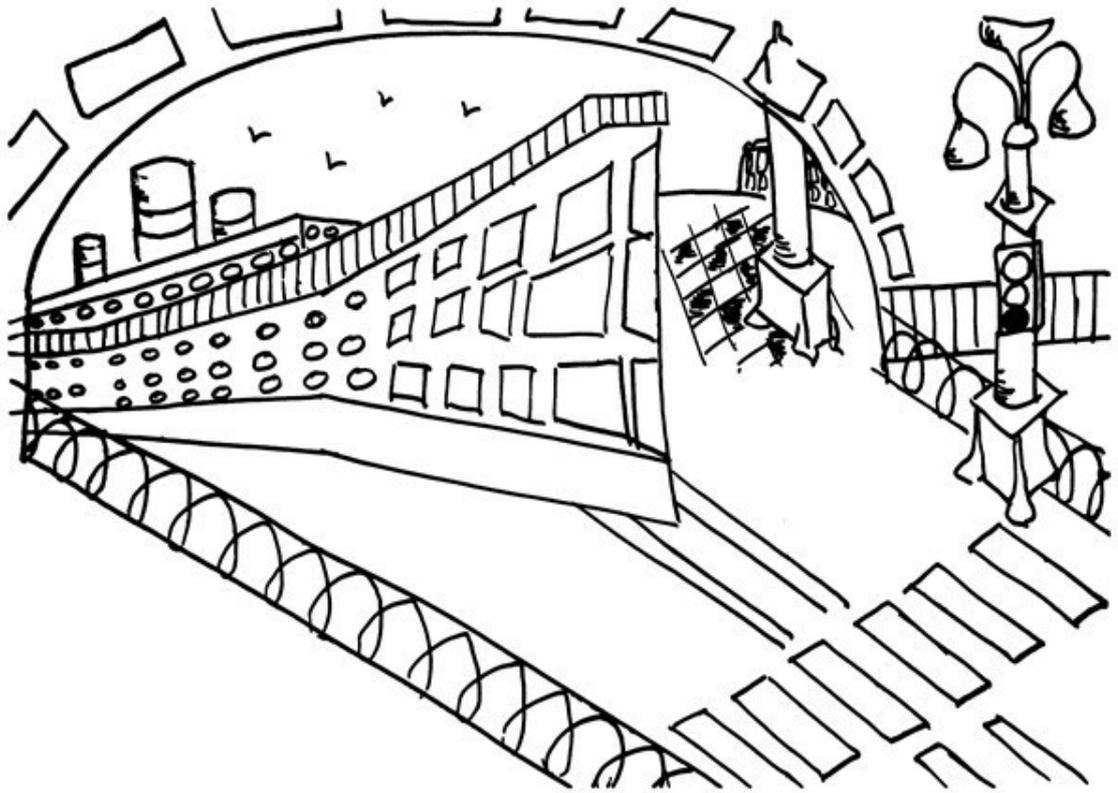

– Есть что-нибудь для души?

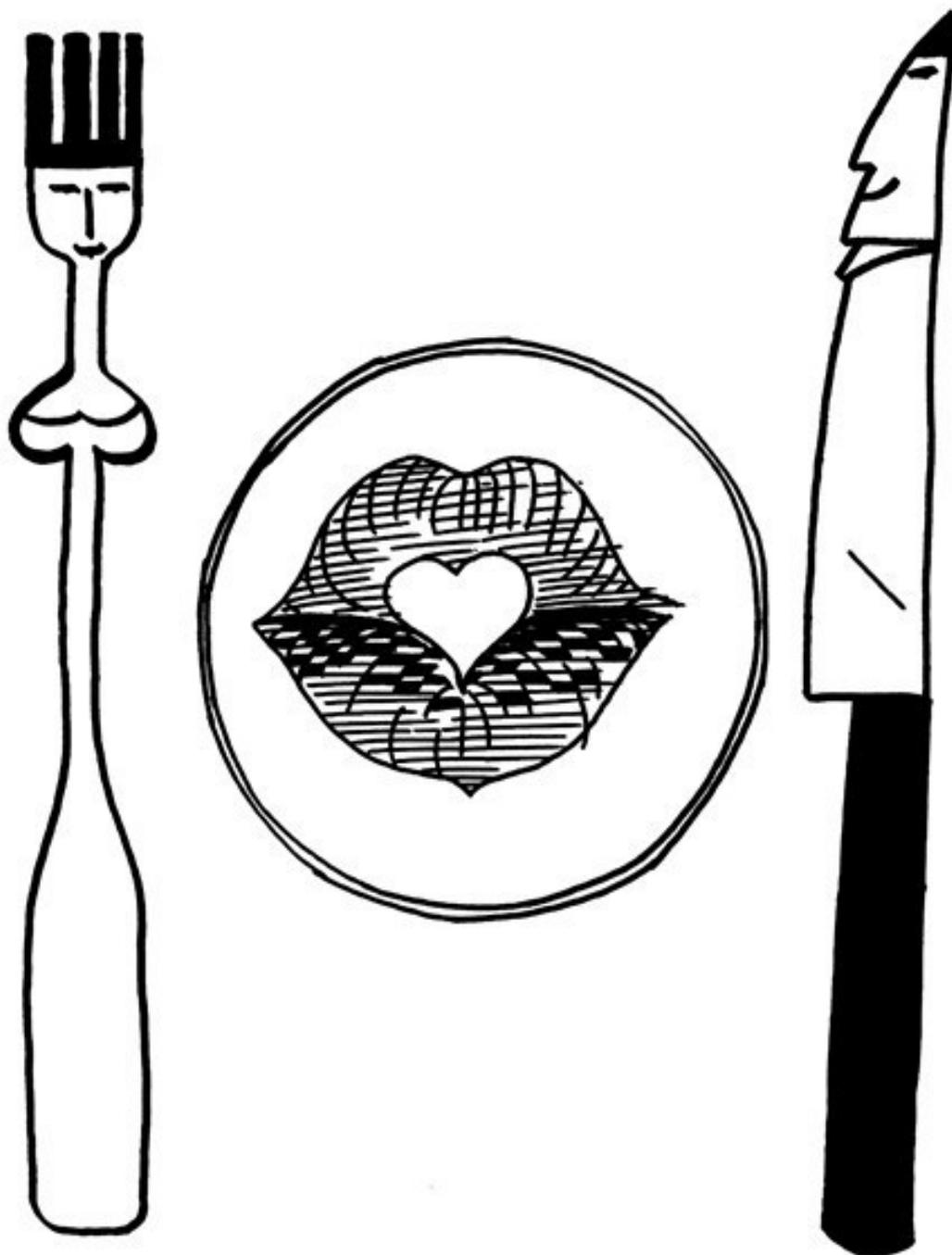
– Есть. Питер.

Питер, в него влюбляются с первого взгляда. Со второго хотят остаться. С третьего пытаются понять, с четвертого начинают жить вместе, с половины пятого и допоздна ищут здесь себя и своего человека независимо от погоды и цвета ночи. Очень трудно найти

себя именно в Белые ночи. А все эти разговоры, про болото на котором стоит город, сырой, промозглый, серый, можно поставить на мраморный постамент и перевести как морской, загадочный, умный, серого вещества здесь действительно хватает. Где ни копни – культурный слой: дом за домом, улица за улицей, площадь за площадью. За ними внимательно приглядывает Нева. Ее бурный характер не дает расслабиться. Она для Питера вроде любящей жены, и любовницы, и музы в одном гранитном флаконе набережных и мостов. Она, как любящая мудрая женщина, не ведется на всякого рода разводки и умеет вовремя навести мосты. Нева знает, что Питер необходимо вдохновлять, чтобы он действовал.

Часть I

Холодные закуски

До встречи со своей женой я целовался с одной красивой девушкой. В парках, в подъездах, в машине, в метро. Потом эта девушка неожиданно выходит замуж, будто выходит из моды. Даже если замуж за тебя. Поцелуев становится заметно меньше, все большие они приобретают характер бытовой, традиционный. И этот момент надо отслеживать, менять сферы влияния, благо волнительных сфер у женщин хватает. Просто переход на другой уровень. Нет смысла все время торчать в пентхаусе, надо уметь спускаться в самые подвалы удовольствий. Это непросто, но действует безотказно.

Вообще, с женщиной никогда не было просто, если с ней просто, значит, это не твоя женщина. А вот с работой ровно наоборот, с некоторых пор я занимаюсь тем, что делает меня счастливым. Иначе нападает хандра, лень, сомнения. Лучшие этот момент переспать, чем накосячить, а потом исправлять. Лучшие проспать то время, которое может сделать тебя несчастным. Тем более неудобно, когда исправлять приходится другим. Это совсем не значит, что дела всегда идут хорошо. Дела не могут всегда идти хорошо, чаще они просто идут, а иногда им нужно постоять, перевести дух.

Примерно до тридцати я жил как бессмертный. Некоторые живут так всю жизнь. Такие обычно чего-то ждут. А ждать оказывается не надо, надо идти навстречу. Осознание этого и есть подготовка к старту. В лучшем случае жизнь меняется после тридцати. В худшем – после сорока и позже. Вариантов немного: либо ты фишка в чужой игре, либо отстраняешься и придумываешь свою. Если все меньше интереса к пассивному спортопровождению и вездесущей политике, значит – ты на верном пути. В этих баталиях – я чужой. Мне надоело балеть за других. Здоровье жалко. Все больше меня интересует только одна экстремальная игра.

Жизнь самый большой экстрим, потому что одна, что бы ты ни делал, ты рискуешь... разочароваться. Мои родители из рабочих, они верили в коммунизм, а может быть, делали вид, что верили, потому что не верить было опасно. Однажды в детстве, когда я закрасивал Ленина на газете «Правда», меня напугали, что за это сажают в тюрьму. Не посадили, но осадок остался. До сих пор считаю всех политиков и чиновников мошенниками и лжецами. Хотя они, конечно, считают иначе, но в свой карман.

Я всегда жалею, что бросил музыкальную школу и не стал пианистом или, хотя бы, рок-музыкантом. Музыка – великое состояние, в нем можно жить, переживать, можно пережить любое дерьмо, не только свое, но и чужое.

Родился я в прошлом веке. Родился на Урале мальчик, с характером как у знаменитых гор, пологих и спокойных. Там, где я рос романтиком, жили рядом зеки и работяги. А те зеки, что выходили на волю, оставались в нашем городке. Его окружало четыре зоны, которые так и не смогли взять в плен – таких ребят, как я, чьим главным талантом было не только умение махать кулаками, но и отвечать за свои слова. К концу школы я почувствовал, что вырос из этого города, родные дворы мне стали малы. Я вышел из провинциального плена и попал в Питер, в плен интеллектуальный.

Я вошел в него через парадный вход, через Арку Главного Штаба. Зимний напомнил мне чем-то Дворец Культуры «Нефтехимик», только культуры катастрофически больше, по крайней мере, на улицах Питера, помимо достопримечательностей никто не цеплялся.

Умение драться пригодилось позже, после призыва в Армию. Армия – явление многонациональное и подневольное. Это был хороший опыт, челюстно-лицевой, в одной пробирке ты, твоя гордость, ум, честь... все это смешивается с чьей-то наглостью, напором и хамством. В идеале после взбалтывания трусость выпадает в осадок. Дерьмо всплывает. В этом заклю-

чался опыт. Но не только. Если раньше я знал кучу способов, как вязаться в драку, то теперь я знаю, как в нее не вляпаться.

Вместо того чтобы стать знаменитым, занимался вот этим. Можно назвать это наблюдением. Когда-то я хотел быть знаменитым, а может, все еще хочу. Но время уходит. Все чаще мне кажется, что мы с ним идем в разных направлениях. Молодежи сегодня, как и той, что уже состарилась, остро не хватает перемен: политических, экономических, внутренних, каких угодно. Взрослым просто не хватает. Всем навязывают ценности, цены на которые диктует власть. «Не хватает» становится нашей формой существования.

Сегодня большой спрос на оптимизм, стараюсь следовать правилу: не надо принимать близко к сердцу то что получилось через ж... Прошлое не счастливее, но выглядит веселее, чем настоящее. Это факт. Сейчас приходится веселить себя самому. Не то что вчера, которое вспоминается с юмором. И даже то, что город и внешне был ближе к Петербургу Достоевского, и внутренне – к «Преступлению и наказанию», не лишало его радости реализма, во многом от того, что рождались живые концерты хорошей музыки. Никто не загадывал на завтра, пели и горели сегодняшним днем. Сейчас ни музыки, ни веселья, есть читки, но все как-то мелко, не дальше чужой подноготной. Смешно, когда крутые бородатые дядьки в наколках бьют себя в грудь за лайки. Все в поисках себя, своей перспективы, своего успеха, своей внешности, в косметическом ремонте прошлого. Они не понимают, что молодость – это сегодня, дальше только кризис среднего возраста и пенсия. Надо учиться получать удовольствие сейчас, иначе за нас его получит кто-нибудь другой.

А всякое недовольство – это недостаток удовольствий. Откуда взяться достатку, когда страна – это бригада по обслуживанию чьего-то нефтегазопровода. Сырьевая база... во внешней политике, овощная – во внутренней. Вообще, политика – не моя тема. Вообще не тема, спам.

«Лес – наше богатство», – заявила как-то Фортуна, когда мы проходили мимо ее любимого Фонтанного дома, что стоял в лесах. Родина переживает эпоху реставрации. Время, когда, пытаясь сохранить прошлое, страна перестает видеть будущее, чувствовать настоящее. Высокие обещания не приносят дивидендов в настоящем. Если фэнтези я не читаю, на фильмы не хожу, я вне их киноиндустрии. Обещания – это пыль в глаза. Хотя однажды мы с Фортуной в кино. Сплошной попкорн. Мало того, что режиссер снял не тех, еще и бесталанно. Забыл правила съема. Кино как девушка, за ней надо ухаживать, ее надо чувствовать. Нет чувств, нет картины. «Лучше бы пошли в Эрмитаж, там картины живее», – не теряла оптимизма Фортуна после просмотра и добавила: «Кинематограф, как в школе у нас был географ. Скучно». Экран оказался в тот день бездарен, скуден, вял, беспомощен, продажен Пикчерс. Искусство всегда было лакмусом уровня жизни. На подъеме страна или деградирует, хорошо отражается именно в искусстве, в частности, в важнейшем из них, в кино – широкоформатно и полнометражно. По фильмам видно, «кина» хорошего нет, и пока не будет. «Нам никогда не достичь даже 3D, потому что наше кино сегодня – это две семейные династии(2D)», – смеялась Фортуна. «Династии, кумовство – это то, что тормозит развитие общества и делает из него толпу, а из искусства – корм. На толпу можно варить одно блюдо, главное, кетчупа побольше, она неприхотлива. Фастфудом можно заткнуть ей глотку».

Какая же она умная, Фортуна, часто кажется, что умнее меня, если бы не глупости, которые иногда себе позволяла. Тогда я успокаивался. Я – ум и умение, она – ум и безумие.

Хорошо, что есть Интернет... – это те, с кем я ВКонтакте, в связях, прочных и порочных. Там много лишнего, но по крайней мере есть выбор. Фортуна научила меня время от времени отключать все навигаторы и поисковики, чтобы не чувствовать себя приложением, чтобы общаться без лишних телодвижений на сигналы мобильной среды. А то ведь невозможно поговорить – сидишь и дергаешься на всякую ерунду. Звуки эти будто разряды пере-

менного тока, то отрицательные, то положительные. И все, что ты ощущаешь в итоге – нет стабильного напряжения.

Душе угодно общение живую, она – антрополог. С ее подачи я мнил себя психологом, интересен был один вид человека – современный. Современный – это состояние души, состояние ума, насколько они богаты. Именно богатство определяет их независимость от возраста и от пола. Современный человек не имеет возраста, потому как живет сейчас.

А сейчас на часах без пятнадцати осень и это немного гложет. В отношениях существует четыре времени года: влюбленность, любовь, привязанность, зависимость. Первые два, как весна и лето, там и надо оставаться как можно дольше, иначе потом придется доставать из кладовки теплые вещи. Женищина должна быть нежна, это лучшее, что она может подарить мужчине. Он себе этого никогда не подарит. В мире много вещей, которые вызывают привыкание: наркотики, алкоголь, сигареты, Интернет, видеоигры, татуировки, эмоции, секс, даже работа. Но самая дурацкая из моих зависимостей – жена. Куда я без нее. А самая главная – жизнь. Без нее тоже никуда. Привяжешься к ней и пиши пропало. А писать, значит стать писателем. А Фортуна не хочет, чтобы я был писателем, потому что, как всякий творец, начну ее писать, выпускать в свет ее не выпавшихся бабочек и остроумных тараканов. Я понимаю ее сомнения, если книга выйдет в печать, то печать высушит насекомых. От них останутся только чучела в рамках. Таких я видел как-то на кухне у своих друзей. Под этой стеной они каждое утро пили чай, обедали и ужинали. Странное ощущение, когда ты начинаешь видеть все недостатки, все лапки, все усы давно минувших тараканов и бабочек. С другой стороны – есть о чем поговорить, поспорить, поругаться и, главное, помолчать.

Моя жена называет меня красивым, в такие минуты мне кажется – она мне льстит. Но когда она называет меня уродом, я тоже не верю.

У меня нет в голове четкой картины мира, но я видел фотографии Земли из космоса. Из космоса она чиста и невинна. Ребенок индиго большой мамочки-Вселенной. В жизни хочется достичь такой же легкости и чистоты, хотя бы знать, что рядом с тобой те, которым ты не все равно.

Я вижу, что иногда жить людям абсолютно неинтересно, но надо держаться. За любимую, жену, работу, землю. Держаться правее.

Я много говорю, но вообще-то люблю молчать. Сидеть в энергосберегающем режиме. Заряжаться. Слушать море. Слушать море – тоже музыка, смотреть на море – тоже секс. А морем может быть все что угодно. Например кофе, чай или поцелуй. Жена пришла, пойду поцелую.

Закусив своими заметками, я закрыл кулинарную книгу.

Чебуреки

– Зачем ты меня целуешь, если не хочешь?

– А если хочу?

– Тогда можно без поцелуев.

Красивая голая спина белела статуей на фоне желтых обоев, женщина мыла посуду. Заниматься любовью не хотелось. Поцеловав ее сзади в шею напоследок, я сел за стол и принялся наблюдать, как она работает.

Жена. «Неужели она создана только для этого?» – холодно подумал я, может, от того, что ноги мои подмерзли, а тапочки я так и не нашел. Сидел за столом в одних шортах, в руках кусок сыра. В задумчивости крошил его на пол. Тапочки не выходили, но вышли тараканы мыслей, однако писать было не на чем, на глаза снова попала толстая тетрадь с рецептами блюд, я ее распахнул и первое на что наткнулся, была надпись «Чебуреки». Через минуту я узнал, что нужно для их приготовления: кефир, мука, масло, сода, соль и фарш. Перевернул тетрадь, чтобы начать писать с другой стороны, с чистой страницы. Если бы жизнь так же перевернуть и начать с чистого листа, пока ты еще не стал чебуреком. А может быть, уже стал? Я снова посмотрел на чудную белую спинку, на которой женился, и которая уже выключила воду и повернулась:

– Ты опять накрошил.

– У тебя красивая спина, – сделал я ход конем.

– Сыр на полу, а я мыла утром.

– Извини, пытался выманить тапочки.

– Они в коридоре, – не смягчилась от шутки жена.

– Значит, сыр был напрасным.

Жена вздохнула мокрыми руками о полотенце:

– Чай пить будешь?

– Когда я от чая отказывался? – поднял с пола крошки, снова собираясь стать хорошим, неизвестно зачем. Там, где меня и так любили, просто за то что я есть.

– Может, чебуреки вечером сделаем? – выронил я ненароком.

– А ты мясо купил?

– Могу предложить свое, – напряг бицепс.

Я представил, как часть за частью закладываю в мясорубку беспокойные фрагменты своего тела. Жуткое зрелище. Чем-то похоже на любовь, на секс.

– Не пойдет, будет горчить от негодования, – заварила чай супруга. Я продолжил читать рецепт. «Потом смешиваем муку, соль и кефир, месим до получения однородной массы и даем отстояться. Далее надо разрезать тесто на равные части, размером с крупное куриное яйцо и раскатать их на лепешки». Вот и в жизни, когда ты приходишь до состояния однородной массы и уже не можешь себе позволить... Позволить мечтать, гонишь эту мечту, как шлюху: «пошла на х... отсюда, от тебя одни неприятности и убытки», понимая, что ты – катыш теста, ты начинаешь разрываться на куски, разбиваться в лепешку, лишь бы выбраться из этой неизбежности. Но поздно, потому что вместо тела уже фарш. То, что мы обычно называем плотью, которая уже кручена-перекручена, с луком и стрелами, со специями и солью, лежит на диване и смотрит телик. Фарш любит диваны.

Далее следовало выложить фарш на одной половине раскатанного теста и накрыть другой. Потом края слепляются и можно отправлять полуфабрикат в кипящее масло. Через пять минут его надо перевернуть, еще через пять – чебурек готов.

Я вспомнил свой последний отпуск на берегу моря. Нигде так не отпускает, как в отпуске, это как отпуск грехов. Нигде больше не хочется так грешить, как на отдыхе. Каждый полуфаб-

рикат раз в год обязан съездить куда-нибудь далеко, чтобы полежать на горячей сковородке пляжа пять дней на спине, пять – на животе, и поджариться как следует, приобрести цвет побед. Через десять дней чебурек готов.

Удивляясь такому случайному совпадению и своему близкому родству с чебуреком, я инстинктивно крутил в руках кусок сыра, пока наконец не засунул два пальца в его желтые дырки, как штепсель в розетку. Ничто так не привлекает мужчину, как отверстия, возможно, оттого, что когда-то он с трудом выбрался из одного из них, чтобы потом всю жизнь посвятить возвращению. Домой, в норку, к кормушке, где тепло, где ждут, где ласкают.

– Ты что делаешь? – воскликнула с тревогой жена. – Он же задохнется.

Я достал пальцы и понюхал.

– По-моему, у него гайморит.

– Вскрытие покажет, – хладнокровно взяла сыр из моих рук жена и разрешила на тонкие дырявые пластыри. Потом приклеила один из них к хлебу с маслом и протянула мне. Я откусил, все еще мечтая о чебуреках. Трудно есть бутерброд с сыром, когда думаешь о чебуреках.

– Еще? – Она уже стелила масло на другой.

– Что-то не хочется, – откусил я и положил на тарелку. – Может сделаешь сегодня чебуреки? Мясо я куплю.

– У меня цыпленок размораживается, – кивнула она на тарелку у раковины.

– Они начали убивать птенцов, эти птицефабриканты. А из него не получится? – кивнул я на дичь.

– Ты мне предлагаешь его откормить?

– Ладно, курица так курица. Хотя две курицы на одной кухне – это уже перебор.

– Что ты сказал?

– Девушка, вы прекрасны, – положил я руку на ее бедро.

– Вас это не касается, – легонько хлопнула Фортуна своей ладонью мою.

– Мяса, говорю, хочется, хочется мяса! Какой сегодня день недели? Пятница? Как быстро летит время, недавно только был понедельник, а завтра уже суббота. Я совсем не чувствую жизни, она просачивается сквозь пальцы где-то между кухней и спальней, работой и телевизором.

– Ты слишком много смотришь в экран, больше чем на меня, – подлила себе чаю жена.

– Глаза все время ищут новостей, а ты неизменна. Даже не стареешь, – устался я на нее.

– Это уже похоже на комплимент, – улыбнулась Фортуна первый раз за утро.

Жену звали Фортуной. Жениться на ней можно было только за одно это имя, если тебе не фартило всю предыдущую жизнь.

– Как долго ты сможешь на меня смотреть?

– Пока не отвернешься.

– Я так и знала, что тебя привлекают совсем не глаза.

– Даже красивые глаза надо дозировать, – бросил я, покидая стол в надежде найти тапочки в коридоре. – Вот зараза!

– Что еще?

– Твои туфли залезли на мои тапочки и уже размножаются! Ты посмотри какие плодови-тые. Откуда у нас столько обуви? – швырнул я ей из коридора, разглядывая незнакомую обувь.

– К нам же гости приехали, еще в среду.

– Родственники?

– Не совсем.

– А я их знаю?

– Нет, даже я их видела всего один раз. Звонила тетушка Сара, это ее сын с женой, про-сила принять на несколько дней.

– Мало нам своих детей, – пробурчал я себе в нос. Они здесь уже живут, а я даже ни ухом, ни рылом.

– Вот так черт-те с кем жизнь и проходит.

– Ты же в Москве в это время был.

– Они к нам надолго?

– Не знаю, спрашивать как-то неудобно. Спят еще, так что ты потише выступай.

– А что я такого сказал? Только то, что родственники меня уже достали, так они же нам еще и не родственники, вообще непонятно что.

В этот момент заплакал телефон. Трубка лежала на кухне, и подошла жена. Судя по ее удивленным репликам, случилось нечто невероятное.

– Неужели апокалипсис? – вошел я уже в тапочках.

– Хуже. Бред какой-то! Звонили из полиции, сказали, что сын наш пнул полицейского при исполнении, и нужно немедленно ехать за ним в участок.

– Растет сынок.

– Растет как сорняк. Это все твоё воспитание. Точнее его отсутствие.

– Где он нашел полицейского в такую рань? И главное, за что? В десять лет я не был таким кровожадным. Наверное, очередная дурацкая игра с желаниями. Кто пнет милиционера или кто ущипнет учительницу.

– Нет, он перебежал дорогу в неполюженном месте. Тот остановил его и начал читать мораль, а наш попытался улизнуть.

– Значит, ничего личного. Съездишь, они женщин больше любят.

– Чужих женщин всегда любят больше.

Жена довольно быстро оделась, я с ней потанцевал немного в коридоре, прощаясь, и добавил нежно:

– Мусор выкинь заодно.

Она любила прощаться губами. Не поцелуешь человека перед выходом, потом он целый день будет искать настроение. Так и стояла с мусорным пакетом в одной руке, с сумочкой в другой, а я ее целовал. Жуткое зрелище. И тут еще зашевелились гости. Дверь их комнаты смотрела в упор на входную. Она тихо отворилась и из нее вывалился мужчина, поморщился как-то снисходительно, а может, он так улыбался с утра. Зачем улыбаться, если не умеешь. За ним женщина вздохнула чем-то несвежим: «Здрате». Мы в обнимку с мусором молча наблюдали, как два халата прошелестели в ванную.

– Что-то они совсем на детей не похожи, – сказал я на ухо жене.

– Так тете Саре уже семьдесят, это же ее дети.

– Чужие дети не только быстро растут, но и быстро стареют, – снова подумал я о чебу-реках.

– Ну, пока, не шали там, в участке, – подбодрил я Фортуна, чтобы она не была так грустна. Нет ничего ужасней грустной Фортуны.

Пошел на кухню, где обнаружил на столе распахнутой кулинарную книгу, в которую я хотел что-то записать, но так и не успел.

Голубцы

Скоро показались гости. Опухшие от поцелуев ночи, стеснительные и теплые.

– Макс, – протянул я руку мужчине.

– Альберт.

– Белла, – поправляя невоспитанную челку, застряла на букве «л» его жена.

– Чай пьете черный или зеленый? Или кофе?

– Нам все равно, но лучше черный, – усаживался за круглый стол Альберт, Белла положила свои гладкие бедра с ним рядом.

– Ну, как вам город? Куда сходили? – залил я кипятком чайник.

– Вчера в Эрмитаже были, устали от такого нашествия искусства, – внимательно изучал сахарницу, стоящую на столе, Альберт.

– Его надо принимать дозировано, по чайной ложке, – застелил я скатерть белыми чашками.

– Похоже, у нас уже передозировка, – взяв сахарницу в руки, рассуждал гость.

– Это бывает, надо сделать паузу, – лил я воду в прямом и переносном смысле, наполняя посуду. Чай слишком слабый напиток, чтобы найти общий язык с незнакомыми людьми.

– У нас очень мало времени, чтобы делать паузы, через три дня уезжаем. На сегодня запланирована Кунсткамера. – Альберт зачерпнул ложкой сахар. – Не подскажите, как нам до нее добраться?

– Конечно, подскажу. У вас есть карта города? – посмотрел я на едва прикрытую грудь его жены, и представил, что карта начертана именно там, и сейчас на ней мы будем кропотливо искать нужную точку, пункт назначения, проходя мимо куполов Исаакиевского и Казанского соборов.

– Да, мы купили, – насладившись, оставил сахарницу в покое Альберт и посмотрел на жену. «Насладившись, мы вновь возвращаемся к женам, как это по-семейному», – подумал я про себя.

– А чем вы занимаетесь в жизни? – сложил я воображаемую карту и посмотрел в глаза Белле. Утро уходило с ее лица, и она начала расцветать, как майская роза в вазе своего очарования.

– Она ставит опыты на мышах, – забыв про сахар, опередил Беллу ее муж.

– Опыты? Интересно. А что за опыты? – откусил я бутерброд с ветчиной.

– Я изучаю развитие цирроза в клетках печени мышей. Поскольку печень наша и мышьяная имеют одинаковое строение, – откусила маленький глоток чая Белла и осторожно вернула чашку на стол.

Я сразу подумал о своей печени, она, услышав о циррозе, проснулась и забеспокоилась под ребрами.

– Вы их спаиваете, а потом изучаете? – отложил я бутерброд.

– Обеспечивать их алкоголем слишком долго и дорого, – посмотрела на мужа Белла. – Мы им вводим специальные препараты, ускоряющие процесс, – нашла она на столе руку мужа и присвоила.

– Обеспечивать... то есть оставлять без печени. Значит, вы не боитесь мышей? – повторно заправил я всем чашки чаем.

– Меньше, чем компьютерных, – снова посмотрела она на своего мужа, который улыбнулся и задвигался. Видимо, слаб он был не только на вино, но и на виртуальную связь. Алкоголь и Интернет, вроде ничего общего, но одинаково паразитируют на желании общаться.

«Может, он любил «танчики», в то время, когда мог бы любить ее, Беллу. Как можно было променять это на «танчики», мне кажется игры с ней могли бы быть куда увлекательнее», – начал я своими фантазиями осуждать Альберта.

– Ну да, с ними не совладать даже циррозу, – вонзил я нож в свежий хрустящий багет. Крошки хлеба, словно опилки, разлетались по столу. – Кстати, вы их не используете в качестве подопытных? – представил я связку компьютерных мышей в клетке, зараженных какой-нибудь инфекцией.

– Мы с компьютерными вирусами не работаем, но я подумаю над вашим предложением, у каждой сумасшедшей мысли есть право на гениальность, – сделала она глоток и зажмурила глаза, не то от мужа, не то от кипятка.

– Вы футбол смотрите? – неожиданно сделал подножку нашему диалогу Альберт, обращаясь ко мне.

– Футбол? Конечно, – встал я и отряхнулся.

– Не знаете, как вчера сыграла наша сборная? – попросил он прощения.

– Сейчас узнаем, – громко кашлянул, прикрыв рот ладонью. Тут же мне ответил кашель из-за стены. Потом еще один. – Слышали? – посмотрел я на Альберта, который положил в рот, как в мышеловку, кусок сыра.

– Что именно? – начал он жевать.

– Счет, наши проиграли, кашель слышали? Резкий такой, будто с матом, – снова кашлянул я в благодарность соседу.

– По-моему, два-ноль, – рассмеялась крупным жемчугом Белла.

– Ночью я слышал мужской недовольный кашель, и женский тихий, словно болит голова, – встал я из-за стола, чтобы посмотреть в окно: почему же симпатичная жена друга или знакомого вызывает такое желание. Что это? Соревновательный дух или просто ты ей больше доверяешь, чем незнакомке? А если она в данный момент испытывает те же чувства, то я мог бы сейчас предложить Альберту: «Может ты прогуляешься один по этому прекрасному городу, пока я по телу твоей супруги?»

– Надо кашлять скромнее, Альберт, – снова засмеялась Белла, и ее грудь еще больше обнажилась, увидел я в прозрачное отражение окна.

В этот момент сосед раскашлялся не на шутку.

– Что теперь? – застыл с ложкой в руке Альберт.

– Он прокашлялся, что вчера переспал с моей женой, и ему понравилось, – развернулся я к парочке, облокотившись на подоконник.

– И вы так спокойно об этом говорите? – опешила Белла.

– Я уже привык, – снова я качался на волнах ее синих зрачков.

– Черт, ну и семейка! Мама мне говорила, что вы со странностями, но я не предполагал, что... – начал рисовать что-то невнятное ложкой на скатерти Альберт, так и не закончив фразу. Будто он решил ее дописать.

– Некоторые отношения строятся на скандалах, некоторые разрушаются от идиллии. У вас какой вариант? – выкинуло меня очередной волной на берег ее декольте.

Супруги взглянули друг на друга недоверчиво, как будто им только что по громкой связи озвучили то, о чем они подумали.

– Даже не знаю, но с соседями мы точно не спим? – выронил из рук ложку Альберт.

– Зато слишком много кашляете, – рассмеялся я, а вслед за мной и Белла. Последним был Альберт. До него доходило медленно: он сидел дальше всех.

– Вы часто ссоритесь? – спросила меня в лоб Белла.

– У, постоянно.

– Женильба меняет людей: я больше не занимаюсь сексом с незнакомками, а когда-то мне это нравилось, – невербально взглянул я на Фортуна. Ей была бы неинтересна моя болтовня. Похоже, раньше в моих фантазиях было больше секса. Белла тоже смотрела на меня иначе, когда я говорил о Клодте. А теперь все больше на мужа. Надо возвращаться к искусству.

Разговор шел явно не туда, явно в сторону моей работы, он уже стоял в коридоре в ботинках, потому что мне давно уже было пора.

– То, что хозяин встал, не значит ли, что гостям пора уходить? – поправила блузку Белла.

– Не значит, хотя мне уже скоро на работу. Но у вас же есть ключи? – оторвался я от «окна», которое только что прикрыла Белла. Она поставила на стол пустую чашку, словно точку в моем непристойном предложении.

– Да, мы закроем сами, нам Фортуна все объяснила. – Альберт сооружал себе еще один бутерброд.

– А мы в Кунсткамеру. Кстати, почему она так называется?

– Кунсткамера в переводе с немецкого «комната искусства». Искусство там своеобразное, по сути, это собрание различных редкостей, исторических, художественных, антропологических.

– Чувствую себя уже на экскурсии.

– Да, было дело, в студенческие годы водил я туда туристов, – посмотрел я на гостей.

– Как интересно, – одарила меня взглядом Белла.

– Еще как, – усмехнулся я. – В этом музее полно всяких чудес. Самое интересное там, правда, спрятано в фонде хранения.

– Что именно? – закусил наполовину свой бутерброд Альберт.

– Боюсь испортить вам аппетит, – улыбнулся я Альберту улыбкой радушного хозяина. «А может, и подогреет», – перевел взгляд на Беллу. Чем больше нравится женщина, тем сильнее неприязнь к ее спутнику. Желание отобрать, присвоить, хотя бы на время, велико и надо уметь его гасить. Я умел.

– Ну, тогда я пошел, привет сокамерникам и всем тем, кто в пробирках, – оставил без внимания, без прощального взгляда замужнюю женщину, чтобы показаться как можно более независимым.

Корюшка жареная

– Что это? – посмотрела жена на пакет, который я протянул ей. Кот почуял рыбу, Фортуна – посягательство на свободу, на личное время, на какой-никакой маникюр, она внимательно посмотрела на свой, выяснить – все ли заусенцы на месте, гости ощутили неловкую паузу, которую они явно еще не репетировали и которую еще не умели держать.

– Рыба.

– Знаешь, в чем проблема рыбы? Ее надо чистить.

– Знаю.

– Огурцами пахнет, – не стала она брать пакет. Он повисел какое-то время на моих пальцах, потом лег на стол рядом с раковиной.

– Потому что корюшка. Пожаришь? – словно кот, подходил я и так и эдак, чтобы полакомиться рыбкой.

– Если почистишь.

– Я не умею.

– Что ты сказал, не слышу? – включила она воду, чтобы набрать в чайник.

– Я не умею.

– Надо же было так оглохнуть, – потрепала она свое ушко. – Сегодня после пресс-конференции пошли на Петропавловку сделать залп, – увидела недоуменные лица гостей Фортуна. – По традиции самый почетный гость фестиваля должен стрельнуть из пушки. В общем, режиссеру, который стрелял, девяносто два. Пришлось держать его, чтобы ветром не сдуло, к тому же плохо слышит. Мне, как переводчице, пришлось инструктировать его вплоть до выстрела.

– Контузило, – поставил свой диагноз Альберт.

– Это надолго? Как ты думаешь.

– Пока рыбу не почистишь, – улыбнулся я. – Кстати, а как дедушка?

– Начал слышать.

– Клин клином.

– Это пройдет? – снова потерла рукой свое ухо Фортуна. Она вспомнила, как, глядя на Неву после выстрела, почувствовала себя оглушенной рыбой, что плывет кверху брюхом по течению. Ее что-то спрашивает француз, но она глуха и нема. Внизу на берегу мужик с коляской смотрит грустно на кораблики. Коляска, словно якорь, тянет его мечты на дно. Фортуне на миг показалось, что она слышит, как плачет ребенок. Режиссер дергал ее за рукав.

– Надеюсь. Но я буду любить тебя и глухой. Не бойся.

– Я не боюсь, я не слышу.

– Но рыбу-то ты можешь почистить. Это же корюшка... – прибавил я драматизма.

– Красивое имя, – прокомментировала Белла.

– Ну, так что? Что будем делать с рыбой? – посмотрел я любя на жену.

– Отпусти обратно, – улыбнулась Фортуна. – Могу пожарить.

– Давайте я почищу, – вызвалась Белла. Встала из-за стола и сняла с вешалки фартук.

– Вот это я понимаю, – с уважением посмотрел я на нее. «Вот она настоящая женщина: поймает, почистит, пожарит, накормит. Повезло тебе, Альберт», – посмотрел я на ее мужа. Тот оторвался от куска бумаги, на котором что-то рисовал: «Я знаю». И неожиданно заговорил:

– О, с этим у нее проблем нет. Помню, однажды на даче заваливается к нам сосед с гусем под мышкой.

– У собак еле отбил, – положил он птицу на пол, в надежде, что та, если не полетит, то хотя бы пойдет. – Смотрю, окружили кого-то, лают. Хорош гусь, – попытался поднять он ему шею, вытянув ее вверх.

– Хорош-то хорош, только надо его срочно резать, а то потеряем птицу.

- Резать?
- Ну да. Пока совсем не дал дубу. Жалко терять такую красивую птицу.
- Ты так думаешь? – снова попытался он поднять голову гусю.
- Сам не видишь что ли.
- Ты умеешь резать?
- Я нет.
- Я тоже не умею.
- И тут появилась прекрасная Белла, – предвосхитил я рассказ Альберта.
- Точно. Она знала, как разделявать утку, потому что отец ее был охотником, был и есть.

Но это я узнал позже, когда уже мы поженились.

- Хорош гусь, – коротко усмехнулся я.
- Я бы сказала гусыня, – добавила Фортуна.
- Да, она была прекрасна, но курила.
- А сейчас? – усмехнулась Белла.
- А сейчас не куришь.
- Курила? Так это и была искра, Альберт, – пошутил я. «А так жди, пока ты разгоришься».

- Это еще не все, – добавил он. – Хотите расскажу?
- Еще бы.

– Тем временем Белла уже казнила гуся и положила голову на край раковины. А ошипанную тушку сунула в духовку. Едва она ее закрыла, как в дом ворвалась возбужденная соседка и сразу оказалась на кухне: «Извиняюсь за вторжение, вы гусака, случайно, моего не видели. Все остальные пришли, а он нет. Даже не знаю, где теперь искать», – смотрела она мне в глаза. Они, в свою очередь, наблюдали за кошаком, который не преминул воспользоваться замешательством, запрыгнул на раковину и нежно прихватив голову гуся, будто мышшь, соскочил на пол и медленно пошел вдоль стены.

Я смотрел на кота, кот на дверь, соседка на меня. Мне даже пришлось приобнять ее, чтобы она вдруг не обернулась:

- Нет, нету тут никакого гуся.
- Уже нету, – добавил я юмора в его рассказ.
- Типичный треугольник Карпмана: жертва, свидетель, агрессор, – подвела итог Фортуна, заваривая чай.

– О, здорово у тебя получается, – наблюдал я, как растет кучка готовой к жарке корюшки. В очередной раз перевел взгляд с рыбы на кухарку. Белла была прекрасна. Рядом с ней, как на картине Васильева «Апофеоз войны», холмик черепушек, только рыбьих.

Я достал сковороду, поставил на огонь и плеснул туда масла.

Фортуна нашла в шкафу муку и, предварительно посолив, принялась макать в нее корюшку. Скоро та нервно зашипела в масле. Кухня наполнилась жареным воздухом. Запах жареной рыбы был неумолим.

- Может, вина? – предложил я, уже открывая дежурную бутылку каберне-совиньон.

Через несколько минут все четверо приступили разбирать жареную корюшку на запчасти.

– Вкусно? – посмотрел я на Беллу. Словно только сейчас смог ее раскусить. И будто только она сейчас обладала вкусом.

«По-моему надо прекращать, я становлюсь слишком назойливым, теряю бдительность», – спрятал он глаза в корюшку.

– Нет слов, – вытерла она губы о салфетку, взяла очередную рыбку и улыбнулась пунцовыми губами в ответ.

- Очень, – тоже был небогат на слова Альберт.

Фортуна держалась особнячком. Небольшой изысканный особнячок, построенный неизвестным испанским архитектором середины XX века в стиле мудахер, что сочетал в себе и восточный колорит и европейскую строгость.

Горка идеально обглоданных косточек выглядела словно некая стеклянная конструкция в стиле постмодерна для украшения особняка. Большой Каприз.

– А куда бы вы нам еще посоветовали сходить? – закончил с очередной корюшкой Альберт.

– А где вы уже были?

– Да много где.

– Ну, – начал я перебирать в голове достопримечательности. – Под дождем уже были? – не нашел я ничего оригинальнее.

– А как же, – засмеялась Белла. Она смяла салфетку, на которой предварительно оставила губы, бросила в тарелку и отодвинула ее в сторону.

– Питер начинается с дождя.

– Как недавно пишет мне один мой одноклассник, который живет в Майми. «Мокро, холодно, одиноко. Что ты нашел в этом Питере?» – вопросительно посмотрел я на всех.

– Себя, – ответил за них. Фортуна недоверчиво отвела голову. Ресницы ее припорошило удивлением.

– В этом городе каждый чувствует себя хозяином положения, пока в один прекрасный день не поймет, что находится на службе.

Фортуна тихо рассмеялась.

– Представила тебя на секунду в шинели, в метели, охраняющим Александрийский столп.

– Ага. Застолпил себе место под дождем.

– Так куда нам еще можно сходить? – снова напомнил о себе Альберт.

«На, идите на...» – произнесла я про себя. Никто меня не услышал, кроме Макса. Он такой дурачок, он все понимает без слов.

* * *

– Мое любимое место? У меня их много.

– Хотя бы любимый дом, – завязывал разговор Альберт.

– Наш, – посмотрел я на Фортуну, которая выглядела потерянной, но я вовремя подобрал ее, сделав пару шагов вперед. Приобнял. Она через силу улыбнулась. Скорее сейчас это была сила трения, чем притяжения.

– Доходный дом Р. Г. Веге – построен в начале XX века.

– А чем он так обязан? – не отпускал меня Альберт.

– Доходами, – отшутилась за него Белла.

– Точно. Так и есть, – налегло уже на меня полнотело Каберне. – Мне всегда хотелось быть богатым, но щедрым. Но как это совместить?

– Бери от жизни все и делись.

– Как у вас все просто. Наверное, вы счастливые люди.

– Мне не нравится слово навверное. Какое-то оно никакое, без веры, – поправила меня Фортуна.

– Хорошо, вы счастливые люди. А у нас, у питерцев все сложно. Все через одно сердце.

– Да ладно тебе, Макс. У нас только цветочки, в Москве ягодки. В Москве сложно.

– Ну ты сравнила.

– В Москве всегда сложно, если тебе там просто, значит, ты не в Москве, ты в Питере, – поддержала Фортуну Белла. Все улыбнулись.

– А как он выглядит, этот дом? – решил вернуться к дому Альберт.

– На руках не объяснишь. Серые камни, из которых собран огромный дом, словно серые глаза Питера, на входе два атланта держат на руках часы, если посмотреть под определенным углом, будто держат само время. Но время неумолимо и держать его трудно, тяжело, да и не нужно. Пусть идет. И стоит только так подумать, оказывается, оно никуда и не собиралось уходить.

– Время уходит от тех, кто не заметил, как оно пришло, – блеснула остроумно Фортуна.

– Зачем приходило, непонятно, – подхватила тему Белла.

– Полечить. Ведь кроме всего прочего оно таких лечит.

– А вас?

– Бывает. Летом лечение эффективнее, осенью так себе.

– Почему лето лучше лечит, чем осень?

– Зеленка всегда меньше щипет, чем йод.

– Bravo! – захлопала в ладоши Белла.

Альберт тоже улыбался. Потом спросил:

– А где он стоит?

– Кто?

– Дом. Надо будет взглянуть, – начал искать одобрение в глазах жены Альберт.

– Крюков канал. Рядом с Мариинкой. В этом доме, кстати, жили многие из наших великих музыкантов.

– Какие? – не унимался Альберт.

– Точно знаю, что Чайковский и Рахманинов. Вы в Мариинке были?

– Да нет. Хотели, но билеты только на оперу. Мы не очень ее понимаем.

– Опера, как женщина, ее не надо понимать, ее надо слушать.

– А делать по-своему, – добавил весело Альберт.

– Ключевое слово – делать, – посмотрела на него прохладно Белла. Глаза стали еще более синими. Будто включила кондиционер.

«Я бы с такой сходил и на балет, и на оперу, и на хоккей, и на футбол... Налево», – подытожил мой внутренний голос.

«Только попробуй, сразу пойдешь на... все четыре стороны», – посмотрела так же холодно на меня Фортуна, будто лишила форта.

– Вы сходите, там один зал чего стоит, – не нравился мне весь этот напыщенный разговор. – Пожалуй, вы правы, лучше для начала на балет. Дорого, конечно, но того стоит, – запил я па-де-де вином.

Макс взял со стола клубничку, посмотрел на нее, потом на гостей:

– А еще лучше не в Мариинский, а в Елисеевский.

– Макс, – взглянула на меня, словно предупреждающий знак, Фортуна.

– Клубника навеяла...

– Вы нас совсем за кого принимаете, – шутливо ответила Белла. – Думаете, мы не знаем Елисеевский?

– Мы вроде бы проходили его, когда гуляли по Невскому. Симпатичный такой магазин. Особенно витрина.

– Чего же не зашли?

– Сытые были, – кинула в шкатулку нашей кухни жемчужное ожерелье улыбки Белла. Словно пришла с вечеринки и начала сбрасывать с себя ценности, вещественные и духовные.

– Понимаю. – Я поднял руки в знак плена. – На сытый лучше полежать.

Фортуна наступила мне ногу. С любовью.

– А что там? – зацепило Альберта.

– История гастрономии.

– А при чем здесь клубника?

«Ничего ты не понимаешь в клубничке, Альберт. Рано тебе на оперу».

– Когда-то из такой вот клубнички вырос целый универсам, – откусил я от ягоды.

Первый бизнес крепостного в мире. Занесен в Книгу рекордов Гиннеса. Шучу. Но красивая легенда всегда притягивает как шоколад. Вся история елисеевского рода всегда начинается именно с этой семейной легенды, по сюжету которой первый «маркетинговый ход» простого крепостного садовника вылился в большой первый успех будущего купца.

Как обычно в XIX веке без графа Шереметьева не обошлось. Представьте себе: зима, Рождество, а местный садовник подает ему на стол, что вы думаете? Правильно, клубнику, – проглотил я на одном дыхании еще одну ягоду.

«Проси что хочешь?» – был очарован таким подарком граф. Так получил садовник вольную.

– Вместе с женой, – добавила Фортуна, которая уже не первый раз слышала эту историю.

– Ты права, дорогая, с женой какая вольная? Долго гулять не дали. Сначала они вдвоем торговали на Невском апельсинами, на вырученные деньги выкупили из рабства родного брата. Ну, а потом пошло поехало: первый магазин, второй, пятый. На Невском гастроном уже дети строили. Кроме гастронома в нем были размещены ресторан и театр.

Здание построено в купеческом модерне, – перевел я интонацию и голос на канцелярский гидовский. – Так же как и Дом Зингера.

– Мы там были, – закивал в знак понимания Альберт. – Белле книгу искали по работе.

– Нашли?

– Нет.

– Наверное, купили в итоге календарь с видами Питера.

Альберт и Белла переглянулись.

– Откуда вы знаете?

– Это легко. Я же провидец. Вам разве тетя не рассказывала?

– Экстрасенс?

– В некотором роде.

– В каком? – заинтересовалась Белла.

Фортуна смотрела на Беллу: «Какая она юная. В глазах еще ни одной тоски».

– В основном в женском, – рассмеялся, спрятав от нее глаза. – В коридоре из вашего пакета торчал наступающий год.

– Чувство долга, – пригубила чашку с чаем Белла.

– Перед будущим?

– Перед Питером. Будем смотреть и вспоминать.

– Вместо телевизора, – продолжал веселиться Макс. – Вы же счастливые люди, разве у таких может быть долго, чувство долго, – намеренно изменил я окончание. Белла заметила и улыбнулась:

– Даже не сомневайтесь, Макс.

Альберт юмора не понял. Хотя его история про гуся была с большим его чувством. Видимо, оно имело в душе Альберта характер мерцающий.

«Хочешь быть счастливым, меняй чувство долга на чувство юмора», – посоветовал я ему про себя.

– Зато нам удалось монетку коту забросить.

– На Малой Садовой?

– Рядом с Елисеевским. Там еще фонтан с шаром.

– Там не только кот, кстати, его зовут Елисей, там еще и кошка Василиса. Памятник Мяукающей дивизии, которая в блокаду спасла город от крыс, – добавила Фортуна.

– Крутили? – спросил Макс.

– Что?

– Шар.

– Конечно.

– А желание загадали?

– А надо было? Мы монетку бросили, – хотела откупиться Белла.

– Не знаю, может, у вас и так все есть. Фонтан считается одним из Питерских мест силы.

– Да? Мы не знали. Но монетку бросили.

– Ну что за штампы. Решили всех купить? – улыбался Макс.

– Мы были уже бессильны, – отшутилась Белла. – Где еще раздают силу в Питере?

– Да много где. На Дворцовой у колонны. Но там сложно, надо три раза обойти столб по часовой стрелке и все время представлять желаемое. Я на втором круге сбивался. Столько соблазнов вокруг. Хорошо вот Фортуну встретил, а то так бы и кружил как часовой.

– Чижик-Пыжик, Атланты у Нового Эрмитажа. Но это вам вряд ли понадобится. Они приносят счастливую семейную жизнь, а вы и так счастливы через край, – продолжал иронизировать Макс.

– В общем, надо прикоснуться к большому пальцу ноги атланта, второго со стороны Марсового поля, – добавила со знанием дела Фортуна.

– Как вы сказали, Фортуна?

– Можно не записывать, этот палец и так блестит как золото. Не все же такие счастливые в браке. Альберт сам мог бы сдавать свой большой палец в качестве талисмана.

– Макс, – снова воспитательно посмотрела на меня жена. Она меня понимала.

– Это же комплимент. Там правда еще балкон нужно сверху держать. А это не так уж и легко. Ладно, не слушайте меня, слушайте Фортуну. Хотя нет, я знаю, куда вам надо, на Поцелуев мост. Уже были?

– И даже целовались.

– Серьезно?

– Безумно.

– А ну-ка повторите, – вдруг пришло мне в голову.

Альберт посмотрел на Беллу словно на невесту в ЗАГСе.

– Горько, – тихо продолжил я.

– Макс, перестань смущать гостей.

– Целоваться – это вкусно. Я пробовала, – завернула в свою очаровательную улыбку эту шутку Белла и подала к столу, заставив Альберта покраснеть, а нас с Фортуной улыбнуться.

– Прямо на мосту?

– Прямо по центру.

– Нет, это не то, вся суть в том, что целоваться надо под мостом.

– В реке?

– Да, берете экскурсию или катер по Мойке и под мост. Тогда вы почувствуете силу.

– А вы уже так делали?

– Ну, конечно! Как только «любовная лодка начинает биться о быт», сразу туда, – включил я Маяковского, и лодку мою понесло в открытое море.

Альберт и Белла, как по команде, уставились на Фортуну. Будто она была среди присяжных и своим словом могла решить чью-то судьбу.

«Да, женщинам доверяют больше. Я и сам доверяю, когда речь идет об интуиции». Макс съел еще одну клубничку.

– По рекам и каналам, – произнесла отрешенно Фортуна.

– Мне лично понравилось по Неве, – вспомнил Альберт.

– А что именно?

– «Кресты», – пришло на ум Альберту.

– Понимаю, грехи, – произнес с нарочитой серьезностью Макс. – Мешают, не дают покоя. «Кресты» тоже своего рода место силы.

– Скорее бессилия, – не согласилась Белла. – Каждый день в течение почти двух лет к стенам «Крестов» приходила поэтесса Анна Ахматова, в надежде получить весточку о муже и сыне.

– Бессилия и насилия, – согласилась Фортуна, будто лично была знакома с порядками тюрьмы, а может быть, даже лично с Ахматовой. Я знал, что у нее к поэтессе было свое лирическое отступление.

– Короче Бастилия, – подытожил я. – Вам рассказали, что в восемнадцатом столетии на месте «Крестов» находился «Винный городок», как он превратился в центральную пересыльную тюрьму. От винного до виновного – один шаг, один слог, – взял я бокал и стал философски рассматривать всех через стекло.

– Нет, но сказали, что архитектор, построивший тюрьму в форме креста, намекая арестантам об их грехах, полагал, что это поможет им быстрее раскаяться. В тюрьме девятьсот шестьдесят камер, и, согласно легенде, изначально в тюрьме была еще одна, девятьсот шестьдесят первая камера: в нее якобы замурован сам архитектор, со всеми тайнами и чертежами здания.

– Томишко, – добавил к рассказу фамилию творца Макс и снова посмотрел на Беллу. «У вашего мужа тоже хорошая память».

– Да, точно, – помню что-то с книгами было связано, – пригубил бокал Альберт. Он почти не пил и не ел. Хотя есть особо было нечего. Колбаса, сыр да клубника. Но вообще хорошие гости с собой что-нибудь да приносят.

– А может быть, от слова «томиться», – добавила филологии его жена.

«Она вполне могла бы преподавать на филологическом, или даже учиться на последнем курсе».

– Мало кому удалось бежать оттуда.

– Пять попыток побега, две из которых оказались успешными, – снова отличился Альберт. Макс посмотрел на него с уважением. Он никогда не слушал экскурсии, он знал их наизусть. К тому же их монотонный слог начинал утомлять со второго предложения и невольно уводил в свое неведомое подсознание, будто голос этот специально ставили годами тренировок для того, чтобы рядом с достопримечательностью открыть человеку свое потаенное, свою 961 камеру. В школе классная называла это проще – «витать в облаках».

– От судьбы не убежишь, – вдруг заговорила Фортуна. Я знал, что в ее словах всегда был заложен какой-то двойной смысл. Но сейчас не мог понять, к чему она клонит.

– Это ты к чему? – спросил я.

– Это я к тебе.

– Откуда?

– Ниоткуда.

– С любовью?

– Надцатого марта, – села на своего любимого конька жена. Бродский и Ахматова – две темы, которые она могла развивать бесконечно.

– Иди, поцелую, – протянул я руку к жене.

– Бродский? – разбила нашу семейную идиллию Белла.

– Да! – крикнул я громко. – Ну раз уж мы до него добрались, напротив Крестов, на набережной Робеспьера, лежат самые молодые в Питере сфинксы. Установлены в честь жертв политических репрессий.

– Так установлены или лежат, – улыбнулась мне Фортуна.

– А это смотря с какой стороны на них смотреть, – вывернулся я. – Половина лица у них выедена до самого черепа. Жутковатое зрелище... если смотреть с Невы, – добавил я.

– А мне еще понравился Смольный собор, – почувствовал я вальс Шопена в голосе Беллы. – Что-то есть в нем легкое и небесное, будто он парит где-то в облаках и дела ему нет до наших проблем.

– Гений Растрелли, – поднял я бокал, будто в его честь. – Можно сказать создал 3D-барокко.

– Вроде его отстранили от строительства храма, – вспомнил Альберт.

– Не дали закончить, – усмехнулся я и сделал хороший глоток.

– Елизавета не дала.

– А тому ли я дала, – вырвалась у Макса фраза из песни. – Что? Разве я не прав, – снова поймал я вызывающий взгляд Беллы. – После этого захотелось Елизавете в монастырь, потом Семилетняя война, а потом посмотрела она в зеркало: «Что я буду делать такая хорошенькая в монастыре?» Расхотелось. А что было дальше, вам наверное рассказали.

– Ну не совсем так. С началом Семилетней войны денег в казне стало не хватать. Проект Растрелли завершен не был. После победного окончания войны с Пруссией желание императрицы уйти в монастырь угасло, – предоставил историческую справку Альберт.

– А я что говорю. Желание угасло. С одной стороны – какая жизнь без секса? Но с другой, что делать женщине в монастыре, если желания всякие уже угасли? Никакой душевной работы. Никаких физических мук. Скучно. Неинтересно. Неперспективно.

– Макс, – услышал я голос Фортуны.

– Шучу, конечно. Все упирается в деньги, что сегодня, что вчера.

– Но ведь достроили все-таки.

– Да, через восемьдесят семь лет. Это, конечно, грандиознее нашего стадиона, но через столько лет можно было вообще забыть «к чему это здесь?». Будто проверяли веру на прочность. История еще раз доказывает, что вера – она одна, она бесконечна, она...

– Она необходима, – поставила точку Фортуна. – Только в монастырь уже никто не хочет.

– Почему никто не хочет? – встрепнулась Белла.

– Белла? Только не вы.

– Почему нет? Как только мне здесь все надоест, – пригубила она вино.

– И желания все угаснут, – улыбнулся я.

– Мне кажется мы пошли по кругу, – убрала со стола пустую тару Фортуна.

– Да, надо менять тему, – достал я еще одну бутылку вина.

Невское пирожное

– Вы счастливички, вошли в Питер с парадного входа. Он не всех принимает с такой охотой. Чаще у него неприятные дни.

– В каком смысле с парадного? – выставил вперед одну из бровей Альберт.

– В хорошую погоду с Невского проспекта. Хорошая погода – это и есть парадный подъезд. Даже Фортуна вам это подтвердит? – снова заметил жену Макс.

– Точно, – задумчиво молвили губы Фортуны, потому что мысли отстали далеко позади.

Она вспомнила свой приезд в Питер. Когда тот долго не хотел ее принимать, несмотря на солнечные дни, потому что те слепили глаза. Слепили словно снежный ком в один очарованный зрачок, давно сытый, но по инерции продолжающий пожирать красоту города. Несмотря на то что были уже взяты не раз и Зимний дворец, и Русский музей, и даже дворец Юсупова, город принял ее много позже, зимним морозным утром, когда столбик термометра застыл на минус двадцати, когда она наконец-то оказалась в том самом флигеле, у того самого окна, у которого загоралась надеждой от самой фамилии Анечка Горенко, а через несколько часов гасла вновь Анна Ахматова, в надежде увидеть отпущенных на свободу, сначала Гумилева старшего, потом младшего, через несколько лет – Пунина. Фортуне давно хотелось попасть сюда, но случилось это именно сегодня. И распорядитель музея, кроткая пожилая женщина, которая поняла Фортуну без слов, проводила ее сразу в ту самую комнату, расположенную в садовом флигеле Фонтанного дома, и закрыла за собой одну дверь, затем обойдя этажом ниже, прикрыла другую. Будто защищая от сквозняка, чтобы не продуло мое одиночество, чтобы я могла ощутить свое, отличное от ахматовского, но близкое и родное. Она, конечно, же подражала ей, как могла.

Без тебя жмет квартирка
Словно пальтишко
Когда-то купленное
Низкое небо жмет
Давление в атмосфере и в атмосферах
Арестовали любовь
Увели кислород
В спешке ты забрал с собою свободу мою
Но оставил мне веру.

Время замерло. Неизвестно, сколько прошло и как. Седая уложенная голова бабушки явилась вновь и отвела меня в полторы комнаты Бродского, где, через несколько часов, я смогла прийти в себя под монотонную и многотонную молитву поэта, под которую он обвенчал здесь меня и Макса, которого я заметила не сразу. Он зашел в музей погреться, в ту же стихотворную комнату к Бродскому. Так и познакомились.

«Искусство вечно, люди вечно искусственны», – посмотрела Фортуна безразлично на гостей и искусственно улыбнулась.

– Клодт – великий коневод, и не только на Аничковом мосту, он пригнал в Питер целый табун, – продолжал Макс.

– Да? А какие еще? – не по-детски заинтересовался Альберт, словно в ту самую беззаботную пору коротких штанишек от него ускакал деревянный конь.

– Ну из известных, – начал я умничать, – памятник Николаю Первому был установлен в 1859 году на Исаакиевской площади. За работу взялся известный скульптор П. К. Клодт, – включил монотонный голос гида Макс. – Автором проекта был архитектор Огюст Монферран.

– Это который Исаакий?

– Именно. На сооружение памятника было потрачено семьсот пятьдесят три тысячи рублей серебром. На отливку статуи ушло около тысячи трехсот пудов (21,3 тонны) металла, – начал грузить арифметикой Макс.

– Это очень много? – прекрасно по-женски проявила свою некомпетентность Белла.

– Достаточно, но не это главное, – поймал я искру в ее глазах. – Для своего времени памятник считался техническим чудом: это была первая в Европе конная статуя, поставленная на две точки опоры. Проще сказать – на дыбы. Представьте, поставить на дыбы бронзового коня весом в двадцать одну тонну. Именно этот факт и спас его впоследствии.

– Николая?

– Памятник. Все советское время он же находился под следствием, – хитро улыбнулся я и пояснил: – После Октябрьской революции неоднократно поднимался вопрос о сносе памятника, но благодаря своим уникальным точкам опоры он был признан шедевром инженерной мысли и чудом выжил. Стояла бы лошадь на трех опорах, снесли бы к чертям собачьим. Хотя, с другой стороны, могли бы стащить всадника, и делу конец.

– Да, и менять каждые шесть лет, – добавила от себя Фортуна.

Это означало, что она меня простила. «Рано, слишком рано. Не торопитесь, женщины, прощать. Как вы торопитесь прощать», – захотелось мне предупредить ее.

– Теперь уже шесть, – понял о чем речь Альберт.

– Я думаю, реже. Царей на переправе не меняют.

– Откуда вы все это знаете, Макс? Любите коней? – покрутила в руках бокал Белла.

– Нет, Питер, – посмотрел я на Беллу. Будто сделал реверанс, приглашая ее на утреннюю конную прогулку.

Было бы неплохо совершить такую с Беллой, одолжив пару лошадей у Клодта. Я бы показал ей настоящий Питер. «Женщины любят смелых. Пересекай границу дозволенного самым непредсказуемым способом. Будь тем наркотиком, который сведет ее с ума», – взглянул Макс с надеждой на Альберта, потом снова перевел взгляд на Беллу.

Перед глазами возникла «Всадница» Брюллова – роскошная, в ярких красках, в пышных драпировках. Одним словом Белла-прекрасная. Но как быть со второй девочкой с портрета. Я посмотрел на Фортуну, она стояла на крыльце, смотрела на Беллу, улыбаясь и ничего не подозревая. «Как вы торопитесь прощать», – пришпорил я коня.

Персиковый джем

Голая жена сидела на кухне с сочным персиком в руке, сок стекал по ее багровым губам, по длинной шее, к высокой груди, пощипывая весной на сосках, а сытость не приходила. На полу валялись большие косточки. Другой рукой Фортуна брала их, шершавые и скользкие, они все время норовили ускользнуть. Она нажимала, те вылетали из пальцев, снарядами, пытаясь пробить пуленепробиваемое стекло одиночества.

– Что ты творишь, Фортуна? – опешил я от такой панорамы.

– Плевать. Просто захотелось плевать косточками. Иногда так хочется делать что-нибудь нелогичное, нелепое, чтобы выбраться из дома, из дома быта. Есть шанс, что кто-то вспомнит о твоём существовании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.